

Д. В. АЙНАЛОВ

Заметки к тексту „Слова о полку Игореве“

I. Плач Ярославны

Давно уже отмечена высокая поэтичность плача Ярославны, однако до настоящего времени не объяснены некоторые особенности его, важные для понимания этого плача в общей конструкции Слова.

Прежде всего, обращает на себя внимание начало плача. Обычно оно читается так: «Копіа поють на Дунай. Ярославнынъ гласъ слышити, зегзицею незнаемъ, рано кычетъ. Полечю, рече, зегзицею по Дунаеви» и пр. Это начало исправляли разное, так как никто не мог объяснить слов «копіа поють на Дунай». Одни читали «коней поят на Дунай», другие «кони пьют на Дунай». Вместо «на Дунай» некоторые читали «на Дону». Наконец, Смирнов, а за ним и некоторые другие относили слова «на Дунай» к словам «Ярославнынъ гласъ слышити», а слова «копіа поютъ» относили к предыдущему тексту, в котором говорится о розни между князьями Рюриком и Давыдом. Получался невразумительный текст: «нъ розньо ся имъ хоботы пашуть, копіа поють».

Все приведенные исправления не могут быть приняты, так как они не столько исправляют, сколько затемняют текст. Фраза «копіа поють на Дунай», совершенно ясная сама по себе, находит аналогию в дальнейшей фразе: «Дѣвици поють на Дунай», вследствие чего приведенные поправки отпадают. Но мало этого: имя реки Дунай подверглось насильственному объяснению. Некоторые комментаторы полагали, что река Дунай поэтически обозначает какую угодно реку, как это встречается в песенной поздней поэзии. Однако предположение, что река Дунай прикрывает собою любую реку на том основании, что реки Дуная в Путивле нет, а Ярославна плачет в Путивле,¹ не может быть принято.² Дунай упоминается в «Слове о полку Игореве» четыре раза, и всякий раз река Дунай есть исторически известная река и не прикрывает собою никакой другой реки. Два раза Дунай упоминается в обращении Святослава к галицкому Ярославу Осмомыслу в таких выражениях, которые не позволяют символического толкования этой реки. Выражения — «затворивъ Дунаю ворота», «суды рядя до Дуная» — указывают на его власть на реке Дунае, так как его владения простирались до места, где реки Серет и Прут вливаются в Дунай. Два другие раза Дунай

¹ В. Н. Перетц. Слово о полку Игоревім. Київ, 1926, стр. 304—306.

² Первый А. Лонгинов высказал предположение, что Дунай то же, что Днепр, и спутал все данные. Историческое исследование сказания о походе северского князя Игоря Святославича на половцев в 1185 г. Одесса, 1892, стр. 72.

упоминается в плаче Ярославны, а пятый раз в конце Слова по поводу упомянутого выше пения девиц на Дунае: «Дѣвици поють на Дунаи, вьются голоси чрес море до Кіева». Ярославна, дочь Ярослава галицкого, в плаче своем вспоминает родную реку Дунай и мысленно летит над этой рекой кукушкой с плачем. Она еще недавно, в 1184 г., вышла замуж за Игоря, и потому неудивительно, что она мысленно стремится к родной реке Дунаю в ее отцовской области: «Полечю, рече, зегзицею по Дунаеви». Этими данными можно объяснить введение в плач Ярославны реки Дуная, а вовсе не подражанием песенным воспеваниям Дуная.

Что упоминаемый в Слове Дунай не прикрывает собою никакой другой реки, а есть исторический Дунай, доказывается тем, что ни одна река, упоминаемая в Слове, не прикрыта именем Дуная. В Слове еще 10 рек, и все они являются со своими историческими именами. Эти реки следующие: Дон (12 раз — «великий» Дон, «синий» Дон и просто Дон), Донец (4), Сула (5), Рось (1), Двина (1), Немига (3), Волга (2), Стугна (1), Каяла (5), Днепр (1). В эту серию исторических рек совершенно равноправно входит еще одна река — Дунай, и было бы крайне произвольно при объяснении текста Слова придавать одному Дунаю символическое значение, а за другими реками оставлять их исторические названия.

Другой вопрос, имеющий в данном случае свое значение и никем еще не затронутый, связан с пребыванием Ярославны в Путивле: Она с Игорем княжила в Новгород-Северске. Почему же она плачет в Путивле, что могло ее привести сюда? Пребывание ее здесь может быть пояснено лишь отчасти, при пособии исторических данных. Татищеву из какого-то неизвестного источника было известно (это повторяет и Ипатьевская летопись), что после разгрома войска Игоря половецкие ханы Гза и Кончак разделились: «Гза князь половецкий, — говорит Татищев, — с великим войском пошел к Путивлю и многие волости пожег и, к Путивлю жестоко приступая, острог сжег и потерял много людей, а паче знатных, не взяв града, отступил».¹ В Ипатьевской летописи читаем: «А друзии половцѣ идоша по оной сторонѣ к Путивлю — Кза в силахъ тяжкихъ и повоевавши волости (их) и села ихъ пожгоша. Пожгоша же и острогъ у Путивля и возвратишася во свояси». Из этих данных выясняется, что Путивль был очень хорошо укреплен, чем и можно объяснить присутствие здесь Ярославны. Путивлем владел сын Игоря от первой жены, Владимир, находившийся в данный момент в походе и в плену, а Ярославна в Путивле оказалась не только под хорошей военной охраной, но и в родственной среде. Она плачет на забрале городской стены, из чего следует, что город имел городские стены, закрытые сверху забралами.² За эти стены не могли проникнуть половцы, были с уроном отбиты и удалены. После осады Путивля Ярославна, повидимому, в скором времени возвратилась в Новгород-Северск, так как Игорь, возвращаясь из плена, был в свою область из города Донца с поврежденной ногой и остановился

¹ В. Н. Перетц, назв. соч., прилож., стр. 349—350.

² Во время перенесения гробниц Бориса и Глеба «бѣше людѣи множество много и по всему граду тѣснящемся и по заборолом и по стенам градным». И. Срезневский. Сказание о Борисе и Глебе, стр. 88.

в Михайловском селе. Татищев пишет: «В тотчас прибежал в Новгород крестьянин того села и сказал княгине, что Игорь приехал, и хотя долго тому не верили, но княгиня, не могла более терпеть, тотчас вседши на кони, поехала к нему». Произошла трогательная встреча. Из этого следует, что переселение в Путивль было временное, что доказывается и самым плачем Ярославны в Путивле, так как она знает только о ранах Игоря, о половецких наладениях и просит Днепр прилежать к ней Игоря, чтобы ей не слать своих слез на море рано. Из этого можно видеть, что автор Слова поместил плач Ярославны в своем изложении только после поражения войска Игоря, а вслед за плачем автор описывает бегство Игоря из плена.

В обращении Ярославны к ветру также есть особенности, не освещенные до сих пор в научном комментарии. В этом обращении замечается прежде всего порча текста. Это место читается так: «О вѣтрѣ, вѣтрило: чему, господине, насильно вѣеши? чему мычещи хиновскыя стрѣлки на своєю нетрудною крилицю на моея лады вои». О каких стрѣлках, или, быть может, стрелкѣх говорится в данном месте? Выходит так, что ветер на своих легких крыльях бросает на воинов мужа Ярославны половецких стрелкѣв, или же бросает на них половецкие стрѣлки. Такое понимание текста мне казалось невразумительным. Текст не дает возможности представить несомых на легких крыльях ветра половецких «стрелкѣв», которые обычно называются в Лаврентьевской, Ипатьевской, Радзивиловской летописях «стрельцами». Приводимая для объяснения этого места параллель из Толковой псалтыри XII в.: «всацѣм бо вѣтром бѣша языци мычещи» — не объясняет ничего, так как не имеет отношения к крыльям ветра, о которых дело идет в Слове. Это место поясняется и исправляется текстом самого Слова, так как в плаче Ярославны оно является пересказом более раннего текста, в котором автором Слова описываются те же ветры: «Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрыя плѣкы Игоревы». Здѣсь ветры веют стрѣлами, а не стрельцами, или стрелкѣми. Последние, т. е. «стрѣлки» встречаются всего один раз во всем Слове, именно в плаче Ярославны. Так как обращение к ветру Ярославны отвечает указанному более раннему тексту о ветрах, «веющих стрѣлами», то ясно, что в плаче Ярославны дело идет также о стрѣлах, а не о стрельцах. Должен сказать, что к этому заключению я пришел уже давно и упомянул об этом в своих замечаниях относительно фразы «смагу людемъ мычючи въ пламянѣ розѣ», но не оговорил тогда этого результата, как противоречащего тексту плача Ярославны.¹ Стрелы упоминаются в Слове много раз. Так, перед приведенным ранее местом о «ветрах веющих стрѣлами», описывается будущая битва: «быти грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону великого», затем: «стрелы по земли сѣяше», «летять стрелы каленныя», «загородите полю ворота своими острыми стрѣлами за землю Рускую», «рострѣляевѣ своими злачеными стрѣлами» и т. п.² Интересно,

¹ Сборник статей к 40-летию уч. деят. акад. А. С. Орлова. Л., 1934, стр. 181.

² Уже П. Савваитов собрал и сопоставил все случаи употребления слова «стрѣла» в «Слове о полку Игореве». Описание старинных русских утварей, стр. 132.

что перевод «Слова о полку Игореве» в первом издании его дает следующее понимание этого места: «О ветер, ветрило . . . к чему навеваешь легкими своими крылами Хиновские стрелы на милых мне воинов». Карамзин также говорит о «стрелах» в своей вольной передаче этого места. Сопоставляя оба текста, видим, что ветры, по словам Ярославны, имеющие легкие крылья, являются теми внуками Стрибога, которые упоминаются в первом тексте. Таким образом языческие ветры, внуки Стрибога, являются крылатыми, как и в античной мифологии. Крылатые ветры упоминаются не только в «Слове о полку Игореве»; о них несколько раз говорит Кирилл Туровский, и много раз «ветренные крылья» упоминаются в Псалтыри. Так, у Кирилла Туровского: «Ови (т. е. ангелы) облакы крылы вѣтренными приносят на взятие от земли», или «взыде бо, рече, на херовим и летѣ на крылу вѣтренною» — это перевод с греческого: ἐπάτασθῃ ἐπὶ πτερύγων ἀνέμων, XVII, 11. Крылатые ветры греческой мифологии легко отвечали языческим славянским крылатым ветрам, внукам Стрибога. Тихонравов слово «стрела» производил от Стри-бога.¹

Ярославна два раза, обращаясь к ветру, называет его «господином»: «Чему, господине, насильно вѣши», «чему, господине, мое веселіе по ковылію развѣя». Это обращение не привлекало к себе внимания, но оно встречается в древнейшем известном нам плаче владимирцев, провожавших тело Андрея Боголюбского, когда его несли через серебряные ворота во Владимире. Этот плач внесен в Ипатьевскую летопись: «Ужели (к) Киеву поѣха, господине, в ту церковь, тѣми Золотыми вороты, их же дѣлатъ послал бяше», и т. д. (под 1175 г.). Не только обращение «господине», но и жалобный тон этого плача совпадают с плачем Ярославны.

В плаче Ярославны оказалась интересная деталь, поясняющая летопись. Обращаясь к Днепру, она восклицает: «О Днепре, Слопутицю, ты пробилъ еси каменные горы сквозѣ землю половецкую, ты лелѣялъ еси на себѣ Святослави носады до пълку Кобякова». Упоминание о «насадах», которые Днепр нес на себе до войск Кобяка, есть намек на поход Святослава в 1183 г. против Кобяка и представляет новое данное сравнительно с летописным рассказом об этом походе в Ипатьевской летописи, в которой читаем: «Идущю же ему (т. е. Святославу) по Днепру и стату, идеже нарѣцается Инжиръ брод и ту перебродися на ратьную сторону Днепра и 5 дни искаша их» (т. е. половцев; в Радзивиловской летописи сказано только: «и прешедше угл реку 5 дней искаша их», л. 23). Летопись ясно говорит, что Святослав шел Днепром, но не упоминает о насадах, о которых идет речь в плаче Ярославны, и таким образом текст Слова уточняет летописный рассказ.

Следует отметить также и другой любопытный факт. Параллельные Словоу тексты летописей описывают перипетии боев Игоря с половцами и говорят о том, что русское войско было отеснено от воды и изнемогло от жажды в течение трех дней. В Лаврентьевской летописи читаем: «Изнемогли бо ся бяху безводьемъ и кони и сами, в знои и в тузѣ. . . по 3 дни бо не пу-

¹ Слово о полку Игореве. М., 1868, стр. 33. См. также у Георгия Писиды: «и прежде дыхания ветры проявляют ефера, объемлюще облакы своими крылами». Ф. Буслаев: Историческая хрестоматия, М., 1861, стлб. 919.

стили бяху их к водѣ». Этот эпизод вошел в жалобу Ярославны в ее обращении к солнцу: «Свѣтлое и тресвѣтлое слънце! всѣмъ тепло и красно еси, чему, господине, простре горячую свою лучю на ладѣ вой? въ полѣ безводнѣ жажду имѣ лучи съпряже, тугою имѣ тули затче». Это обращение к солнцу и жалоба ему показывают, что Ярославна знала об этом эпизоде битвы с половцами и тяжело переживала его. Она упоминает о «туге», испытанной войсками, и, повидимому, слышала об этом от 15 возвратившихся воинов. Автор «Слова о полку Игореве», не упоминая об этом эпизоде, вспомнил о нем в плаче Ярославны.

Плач Ярославны совершенно нормально предшествует описанию бегства Игоря из плена, так как содержание его знает только битву с половцами и раны Игоревы.

II. „Не быть еликну“

Описание бегства Игоря из половецкого плена отличается порчей текста, до сих пор не исправленного критикой. Не установлена даже точка зрения на возможность устранения порчи и на хорошее понимание текста, который, в его настоящем виде, читается так: «Погасоша вечеру зори. Игорь спить, Игорь бдить, Игорь мыслю поля мѣрить отъ великого Дону до малого Донца. Комонь в полуночи. Овлур свисну за рѣкою, велить князю разумѣти „князю Игорю не быть“, кликну, стукну земля въшумѣ трава, вежи ся половецкіи подвизоша. А Игорь князь поскочи горнастаемъ къ тростію и бѣлымъ гоголемъ на воду; въвржеся на брѣзь комонь и скочи съ него бусымъ влъкомъ и потече къ лугу Донца и полетѣ соколомъ подѣ мъглами, избивая гуси и лебеди завтроку и обѣду и ужинѣ».

В этом тексте, довольно ясном, должно отметить натуральное и тонко задуманное описание бегства Игоря, кое-где испорченное неверным чтением первоначального, т. е. древнего текста. С одной стороны, текст рисует замедление жизни, а с другой — ее быстрое движение. В этих двух особенностях поэтического замысла ярко выступают перебои нормального изложения. Интересны, поэтому, совпадения с параллельными текстами летописей и различия от них. Так, начало описания бегства согласуется с двумя источниками — с Ипатьевской летописью и с передачей какого-то неизвестного нам источника у Татищева. Слова «погасоша вечеру зори» отвечают словам Ипатьевской летописи: «не бяшетъ бо ему лзѣ бѣжати в день и в ночь, им же сторожевъ стражахуть его. Но токмо и веремя таково обрѣтѣ в заход солнца. И посла Игорь к Лаврови конюшого своего, река ему: «перееди на ону сторону Тора с конемъ поводнымъ», бяшетъ бо свѣчал с Лавромъ бѣжати в Русь. В то же время половцы напилися бяхуть кумыза, а и бы при вечере. Пришедъ конюший повѣда князю своему Игореву, яко ждеть его Лаворъ». Таким образом Ипатьевская летопись и Слово говорят о вечере, о заходе солнца, о погасших вечерних зорях. Такое же время бегства описывает и Татищев, но более подробно: «По малом времени разсудя Игорь за удобно и согласясь с Лавром и своими, учинилъ пир, на которомъ приставниковъ подчивал довольно медомъ и дарил; и как оныя довольно пьяны были, на заходе солнца послал конюшого по Лавра, и как оный пришел, сказалъ ему, чтоб он на заходе

солнца за Донцом приготовил коней. Лавер же рад сему был, тотчас взяв коней с седлами стал у реки».

Этот текст совпадает с текстом «Слова о полку Игореве» не только в том, что время бегства назначено было на заходе солнца, но и в том, что Овлур с конями стал за рекою, так как в Слове сказано, что «Овлур свисну за рекою». Река эта не названа по имени автором Слова, в Ипатьевской летописи она названа Тором, а у Татищева — Донцом. Можно думать, что сведение Татищева о реке Донце точнее, так как в Слове Игорь перед бегством не только меряет мысленно поля от Великого Дона до малого Донца, но и ведет разговор с Донцом, благодаря его за помощь во время бегства. В данном случае по существу нет особенной важности в названии реки, важно то, что свист Овлура за рекою, раздавшийся в тихую ночь, восполняет таинственную ситуацию всего повествования о бегстве Игоря. Автор Слова осмысляет свист Овлура. Своим свистом Овлур подает знак о готовности к бегству, но дальнейший текст этому противоречит, так как за словами «Овлур свисну за рекою, велит князю разумѣти» следует непонятная фраза — «князю Игорю не быть кликну» и т. д., нарушающая таинственный смысл свиста. Дело в том, что Игорь перед бегством поил стражу медом и много ей дарил, как сообщает Татищев. Ипатьевская летопись сообщает, что половцы напились кумыза, а потому свист Овлура мог пройти безнаказанно, но Овлур мог бы сразу выдать тайну бегства, если бы крикнул и назвал князя по имени. Фраза — «князю Игорю не быть кликну» — нарушает тайну бегства, о которой так подробно сообщает Татищев, и окутывает скрытностью само Слово. Игорь кланяется иконе и кресту, надевает их на себя, молится и только тогда поднимает край ковра и покидает свой шатер или вежу. Но, кроме того, самое построение и смысл приведенной фразы непонятны: в ней нет прямого ясного смысла, так как слова «князю Игорю не быть кликну» не могут быть связаны ни с положением Игоря, ни с его бегством. Тем не менее, эту связь, на мой взгляд, можно установить на основании слов самого Игоря, приписанных ему автором «Слова о полку Игореве» во время солнечного затмения в начале похода. Игорь, обращаясь к войску, говорит: «Братіе и дружино, луце жь бы потяту быти, неже полонену быти, а всядемъ, братіе, на свои бързья комони, да позримъ синего Дону». Этими словами Игорь выражает готовность идти против половцев и считает, что лучше быть убитым, чем попасть в плен. Так как Игорь бежит из плена и рискует своей жизнью, то, поставив вместо слова «кликну» слово «пленну», можно легко понять мысль, вкладываемую автором Слова в свист Овлура, которым он велит князю разуметь, что тот должен уйти из плена и бежать. Таким образом неясная фраза приобретает прямой и ясный смысл: «Овлур свисну за рекою велит князю разумети: князю Игорю не быть пленну». Число букв в словах «кликну» и «пленну» одинаково, и переписчики могли не разобрать написания только трех букв.

Что автор «Слова о полку Игореве» в своем поэтическом творчестве часто пользуется одними и теми же фигурами, оборотами и представлениями, доказывается не только многими эпическими повторениями, о чем речь будет в других замечаниях, но также еще и тем, что фраза «велит князю

разумѣти» находит себе аналогию в фразе «Дивъ кличеть... велить послушати земли незнаемъ». В тексте плача Ярославны мною было указано также повторение более ранней фигуры о стрелах, несомых на легких крыльях ветрами, внуками Стрибога. Таким образом приемы поэтического творчества автора Слова позволяют, на мой взгляд, устранить некоторую неясность в дошедшем до нас тексте Слова мусин-пушкинской редакции.

III. На каком инструменте играл Боян?

Из текста «Слова о полку Игореве» видно, что Боян пел и сопровождал свое пение игрой на каком-то струнном инструменте, название которого автор Слова не сообщает. Молча, без доказательств принимается, что это были гусли. Такое понимание инструмента возможно, но требует пояснений и доказательств, так как текст, в котором описывается игра и пение Бояна, крайне важен для понимания деятельности этого знаменитого певца. Вот этот текст: «Боянъ бо вѣщій аще кѣму хотяше пѣснь творити, то растѣкашеться мыслію по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подѣ облакы. Помняшеть бо, рече, пѣрвыхъ временъ усобицѣ. Тогда пуцашеть 10 соколовъ на стадо лебедѣй: который дотечаше, та преди пѣснь пояше старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предѣ пѣлкы Касожьскими, красному Романови Святъславличю. Боянъ же, братіе, не 10 соколовъ на стадо лебедѣй пуцаше, нѣ своя вѣщія прѣсты на живая струны вѣскладаше, они же сами княземъ славу рокотаху».

Первая часть приведенного текста заканчивается непонятным выражением: «помняшеть бо, рече, пѣрвыхъ временъ усобицѣ». Выходит так, что Боян творил свои песни потому, что помнил усобицы первых, т. е. прошлых времен. Как можно было бы понимать это указание автора Слова с историко-литературной точки зрения? При чем тут усобицы, которые помнил Боян? На это нет ответа в комментариях к Слову. Между тем древняя русская литература дает прямой ответ на эти вопросы. Кирилл Туровский поясняет задачи историков и поэтов: «Якоже историци и вѣтия, рекше летописци и пѣснотворци преклоняють своя слухы в бывшая межю цари рати и вѣноччєния, да украсят словесы и возвеличат мужествовавшая».¹ Из этого, современного «Слову о полку Игореве», указания видно, что летописец и песнотворцы следят за военными подвигами и распрями между царей, чтобы прославить речами их дела, и что Боян, как песнотворец, воспевал усобицы прошлых времен и подвиги князей. Автор Слова раскрывает эту мысль именно тем, что приписывает Бояну песнотворчество в честь деяний старого Ярослава и его битв, в честь храброго Мстислава, зарезавшего Редедю перед касожскими полками, и в честь войн Романа Святославича.

Слова Кирилла Туровского близко напоминают подобного же рода рассуждения в византийской литературе. Так, например, в одной из речей Василия Великого читаем следующее место, в котором дело идет об ораторах и живописцах, прославляющих военные подвиги: «Когда ораторы и живописцы изображают военные подвиги, одни украшая их словом, другие изобра-

¹ П. Вяземский. Замечания на «Слово о полку Игореве». СПб., 1875, стр. 7.

жая их на досках, то и те и другие многих побуждают к мужеству».¹ В русских пересказах этой мысли Василия Великого вместо живописцев, изображающих подвиги, речь идет о «песнотворцах», слагающих песни в честь героев.

Таким образом выражение — «помняшетъ бо, рече, първыхъ времянь усобицѣ» — определяет свойства песнопений Бояна, так как он был признанный творец песен в честь военных подвигов. Таких певцов Кирилл Туровский называет «вѣтии (витии), рекше пѣснотворци». Автор «Слова о полку Игореве» не оставляет сомнения в том, что Боян был творец своих песен — «Боян бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь т в о р и т и». Становится понятным, почему автор Слова обращается к Бояну как песнотворцу военных подвигов, говоря о несчастливом походе Игоря: «О Бояне, соловію старого времени, абы ты сіа плѣкы ущекоталъ». Он считал, что этот поход мог быть воспет Бояном.

Таким образом Боян был песнотворец, сочинитель песен о битвах и ополчениях. Эти песни он сопровождал игрой на струнном инструменте, считаемом за гусли. Бояна считали гуслиаром не одни комментаторы «Слова о полку Игореве». Уже в Задонщине, в XV в., автор, знакомый со «Словом о полку Игореве», говорит: «Взыдем на горы киевскія, первее всех вшед восхвалим вещаго Бояна в городе Кіеве, гораздо гудца, той бо вещей Боян воскладая свои златыя персты на живыя струны, поаше славу русским князем. . . восхваляя их песнями и гусельными буйными словесы».² Несколько иначе этот текст передан в списке Ундольского: «Похвалим вещанного боярина (вместо Бояна) горазна гудца в Кіеве. Тот боярин воскладаша горазныя своя персты на живыя струны, поаша русским князем славу. . . аз же помяну Рязанца Софонія и восхвалю песнеми, гусленными словесы сего великого князя» и т. д.³ Боян здесь называется «гораздым гудцем», он воспевае князей песнями и «гусельными буйными словесы», следовательно, играет на гуслиях и поет. Кроме того, эти тексты называют Бояна «гораздым гудцом», что восходит к пониманию слова «гудец» в XIV в. В новгородской рукописи XIV в. изображен сидящий на земле гуслиар. Гусли у него на коленях, и обе руки касаются струн. Над ним надпись: «гуди гораздо», из чего следует, что гуслиар называется гудцом.⁴ У Кирилла Туровского встречается выражение «в гусли гудуть»; в житии Андрея юродивого — «держаше гусли и гудяше» и пр. Из всего сказанного видно, что Бояна в XV—XVI вв. считали за гудца на гуслиях и что определение его музыкального инструмента как гуслей восходит еще к XIV в., а судя по некоторым данным, и к более раннему времени. Выражение, приводимое Срезневским из текста Григория Назианзского XI в. — «Гусельного творца гудца разумѣть», — показывает, что эта фраза могла бы хорошо пояснить игру на гуслиях и пение Бояна как творца песен и гудца.

¹ *Nomilia in 40 Martyres*. Migne. Patr. graeca, t. 31, стр. 508—509.

² П. Сямони. Памяти. стар. русск. языка и словесности XV—XVIII стол. Вып. III. Задонщины по спискам XV—XVIII ст. Пгр., 1922, стр. 20.

³ Ф. Буслаев. Историческая христоматия, М., 1861, стлб. 1311.

⁴ В. В. Стасов. Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени. СПб., 1887, табл. 67, рис. 2.